

(Сибоблэко), 1.10.21–1.05.22. Красноярск, 1922. С. 27). Появление такого рода мелочных рынков явилось закономерным процессом в результате становления частной торговли.

Для частной торговли данных регионов в указанный период была также характерна определенного рода мобильность. Частные торговцы могли легко перемещаться из одной части города в другую, где, с точки зрения получения выручки, торговля для них была наиболее выгодной. Кроме того, таким способом они могли скрываться от милицейских патрулей, проверявших наличие разрешений на торговлю. Подобная беспорядочная частная торговля практически не поддавалась какому-либо учету. Однако, несмотря на сложившуюся атмосферу экономических трудностей, недоверия и многочисленных бюрократических препятствий со стороны местных властей, неуклонно шел процесс расширения частной торговли.

Таким образом, перечисленные особенности повлияли на дальнейшее развитие частной торговли в Енисейской и Иркутской губерниях.

В.А. ИЛЬИНЫХ

СТАТЬЯ 107 УК РСФСР КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗАГОТОВИТЕЛЬНОГО КРИЗИСА 1927/28 г.*

Начало хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. не внушало властям никаких опасений. Объемы закупленного в конце лета — начале осени 1927 г. превышали плановые задания. Однако уже в конце сентября ситуация на хлебном рынке резко ухудшилась. В октябре–ноябре 1928 г. зерна в СССР в централизованном порядке заготовили на 37% меньше, чем за те же месяцы 1926 г. В Сибири снижение составило 45% (*Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование рынка Сибири в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 157, 181; Он же. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005. С. 161, 209).* В то же время, по мнению экспертов, хлеба в деревне было много. Но крестьяне не желали его продавать в объемах, необходимых государству. Они задерживали реализацию, увеличивая запасы и внутрихозяйственное потребление зерна. В декабре государственные хлебные резервы были практически исчерпаны. На XV съезде ВКП(б) положение, сложившееся в сфере хлебозаготовок, было названо кризисом. Необходимо было принимать срочные меры. Возможность повышения цен категорически отвергалась. Закупки за границей зерна и промтоваров требовали времени и к тому же затрудняли выполнение индустриальной программы, которой руководители Советского государства на сей раз (в

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 07-01-000435а.

отличие от заготовительного кризиса 1925/26 г.) поступаться не желали. В этих условиях усилился административный нажим на местные власти. Тон директив из Центра становился все более угрожающим. 6 января руководителей местных органов предупредили, что если они не добьются быстрого перелома в заготовках, то будут сняты с занимаемых должностей (*Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 195*).

Реакцией на угрозу в Сибири стал поиск виновных в продолжающихся заготовительных трудностях. Вначале ими объявили работников государственных и кооперативных заготовительных организаций. Многих из них уволили и привлекли к судебной ответственности по ст. 105 УК РСФСР за нарушение правил торговли, превышение директивного уровня цен. 13 января 1928 г. из крайпрокуратуры и полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю на места была разослана директива о привлечении к суду по ст. 107 УК РСФСР мелких скупщиков зерна и владельцев мельниц (*Хлебозаготовительная политика советского государства в Сибири в конце 1920-х гг. Новосибирск, 2006. С. 35*). Дав команду на применение репрессий против мелких скупщиков и работников заготовительных организаций, руководители Сибири осознавали паллиативность этих мер. Многие партийные и советские функционеры считали, что заготовительный кризис можно преодолеть лишь силовыми мерами против зажиточных крестьян.

Однако масштабы давления на зажиточное крестьянство сдерживались отсутствием соответствующей законодательной базы, а также опасениями быть обвиненными в проведении антиинэповской линии. Способ решения данного вопроса предложил краевой прокурор, 9 января направив в краевую «хлебную тройку» записку, в которой указал на необходимость привлечения к уголовной ответственности «держателей крупных запасов хлеба и его скупщиков из числа особо зажиточных слоев деревни», «пропуская» возбужденные против них дела через органы ГПУ (*Там же. С. 242*). Руководители Сибирского края, не осмелившись принять самостоятельное решение по этому поводу, в посланной в тот же день телеграмме поставили вопрос перед Центром о возможности реализации данного предложения. Конкретного ответа они не получили, но фактическая санкция на развязывание антикрестьянских репрессий была дана в подписанной И.В. Сталиным циркулярной телеграмме ЦК ВКП(б) от 14 января 1928 г. (*Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 195–196*).

Исходя из директивных указаний, бюро Сибкрайкома 17 января утвердило секретную директиву, в которой органам ОГПУ поручалось провести аресты и привлечь к уголовной ответственности «как злостных спекулянтов» нескольких кулаков, «враждебных соввласти, располагающих большими запасами хлеба» (*Хлебозаготовительная политика советского государства... С. 38*). При этом предполагалось использование 107 ст. УК РСФСР, предусматривающей преследование за «злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок».

Остававшиеся у сибирских властей сомнения в правомерности подобных мер развеял прибывший в Сибирь И.В. Сталин, который поддержал идею использования данной статьи, но указал, что производить аресты нужно не по линии ОГПУ, а в «законном порядке» от имени прокуратуры.

Санкционировав применение в Сибири ст. 107 к зажиточным крестьянам, не только скупающим, но и задерживающим реализацию произведенного ими же зерна, И.В. Сталин сообщил об этом в Центр и тем самым фактически распространил подобную практику на другие регионы страны. Однако новая трактовка статьи длительное время не сопровождалась официальными юридическими разъяснениями, что в условиях сложившейся политической конъюнктуры побуждало местные власти к ее граничащему с произволом предельно расширительному толкованию.

Лишь позднее было определено, что базовым критерием для привлечения крестьянина к уголовной ответственности по данной статье должно стать превышение лимита допустимых запасов хлеба. В подписанной И.В. Сталиным 13 февраля директиве «Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии» указывалось, что к уголовной ответственности следует привлекать кулаков, имеющих «излишки» в две и более тысяч пудов. Затем были приняты порегиональные лимиты. Для Сибири предельная цифра в 2 тыс. пудов осталась неизменной (*Хлебозаготовительная политика советского государства... С. 243*).

Поскольку хозяйства с такими запасами было мало, то местные органы с установленными нормами «излишков» фактически не считались. 8 марта Сибкрайком санкционировал применении 107 ст. к «кулакам», имеющим менее 2 тыс. пудов хлеба. 12 марта краевая «хлебная тройка» предложила окружкомам в основных хлебозаготовительных районах «дополнительно» организовать по два–четыре процесса по ст. 107, в случае необходимости распространяя ее действие «и на тех явных кулаков, кои имеют не сданных хлебных излишков 500–700 пудов», а полномочный представитель ОГПУ, председатель крайсуда и крайпрокурор в своем циркуляре снизили допустимый минимум до 400 пудов (*Там же. С. 55, 58*).

Применение 107 ст. имело не сплошной, а выборочный характер. К уголовной ответственности привлекали не все располагающие запасами хлеба кулацкие хозяйства, а лишь некоторые из них. К началу апреля, по неполным данным крайпрокуратуры, число лиц, привлеченных к судебной ответственности по данной статье, составляло 1 617 чел. (*Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 229*). Нужно было не разорить зажиточных крестьян, а напугать их. Но главным объектом психологического давления были не они. Действительно, зажиточные слои сибирской деревни реализовали к этому времени лишь незначительную часть запасов зерна. Но подобное поведение являлось для них обычным. Зажиточные крестьяне почти всегда продавали основную массу своего хлеба в конце зимы — начале весны. Осенью и в начале зимы зерно должны были вывозить на рынок бедняки и середня-

ки. Беднота, на долю которой, согласно официальной статистике, приходилась незначительная часть товарных запасов, влиять на ход заготовок не могла. Заготовительный кризис стал следствием отказа от реализации хлеба прежде всего среднего крестьянства, поскольку именно середняки являлись держателями большей части запасов хлеба. И «хлебная стачка» осени–начала зимы 1927/28 г. была не столько «кулацкой», сколько середняцкой. Власти, и центральные, и местные, это прекрасно понимали. Репрессии против кулаков были направлены на то, чтобы заставить основных держателей хлеба — середняков — ускорить его реализацию.

Кроме применения 107 ст. местные органы проводили конфискацию хлеба без судебных решений, закрывали базары, запрещали внутридеревенскую торговлю сельхозпродукцией, производили массовые обыски с целью выявления излишков. Чтобы расколоть крестьянство, власти разжигали в деревне социальные конфликты. Четверть конфискованного «кулацкого» хлеба в форме продовольственных и семенных ссуд передавалась бедноте. Усилился финансовый нажим на деревню. Следствием применения комплекса репрессивных и административных мер стало временное преодоление хлебного кризиса. Крестьяне существенно увеличили продажу хлеба государственным и кооперативным заготовителям. В феврале–марте 1928 г. в Сибири было заготовлено рекордное для этого времени количество зерна. Успешно в феврале–марте проходили заготовки и в других регионах страны. Это позволило советскому руководству отказаться от чрезвычайных методов ведения заготовок хлеба. 7 апреля 1928 г. Сибкрайком и Сибкрайисполком обязали местные органы власти «немедленно» прекратить применение 107 ст. (*Хлебозаготовительная политика советского государства... С. 60*).

В апреле темпы заготовок резко снизились. Падение объемов хлебозакупа, помимо распутицы, объяснялось практическим исчерпанием товарных запасов зерна. В очередной раз обострилось снабжение потребляющих центров. В зерне для пересева погибших озимых нуждались Северный Кавказ и Украина. В создавшихся условиях большевистский режим вновь пошел на применение чрезвычайных мер. 25 апреля Политбюро предложило «усилить нажим на кулацкую часть и частных, злостно спекулирующих крупными партиями хлеба, применяя к ним директиву ЦК о 107 статье». После получения этой команды соответствующие директивы о возобновлении ее применения ст. 107 УК были даны и в Сибири. Определение необходимого количества «объектов» для привлечения по 107 ст. возлагалось на окружные органы власти, которым также надлежало «тщательно» готовить процессы, проводить судебные заседания в местах проживания подсудимых, обеспечивать «широкую гласность, обвинение и защиту», а также быстроту исполнения приговоров (*Там же. С. 62, 65*).

Обострение политического положения в деревне и внутривнутрипартийная борьба стали причиной принятия на июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б) решения о свертывании чрезвычайных методов изъятия зерна.

Использование 107 ст. по отношению к крестьянам, задерживающим реализацию произведенного ими хлеба, было «категорически» запрещено (Там же. С. 72).

В.И. ИСАЕВ

УЧАСТИЕ РАБОЧИХ СИБИРИ В БОРЬБЕ ЗА ПОДДЕРЖАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В 1930-е гг*

В ходе индустриализации Сибири значительные массы сельского населения перемещались в районы нового промышленного освоения, осваивали новый для себя городской образ жизни. Массовый переход бывших крестьян в ряды рабочего класса стал одним из позитивных процессов развития Сибири в тридцатые годы XX в.

Однако определенная часть новых жителей городов трудно адаптировалась к условиям индустриального производства и городского образа жизни, что влекло за собой появление или обострение негативных явлений в быту и на производстве. В данном случае мы рассмотрим проблему вовлечения рабочей общественности Сибири в борьбу с таким негативным явлением как хулиганство. Источниками для освещения темы послужат документы правоохранительных органов, партийных, советских и профсоюзных организаций Сибири, материалы прессы тех лет.

В начале тридцатых годов общее ухудшение в социально-бытовой сфере, связанное с трудностями форсированной индустриализации и проведением ускоренной коллективизации, вызывало существенный рост хулиганства. Так, по данным правоохранительных органов в Новосибирске в 1931 г. при общем росте преступности на 121% число преступлений, квалифицируемых как хулиганство, выросло на 325%.

Партийные и профсоюзные организации вынуждены были забить тревогу, в трудовых коллективах прошли собрания по активизации общественного движения на борьбу против хулиганства, по оживлению работы ячеек Осодмила на предприятиях Сибири (*За большевистские темпы. Новосибирск, 1931. 23 окт.*)

Задачи борьбы с хулиганством постоянно обсуждались на собраниях трудовых коллективов, проходивших с участием представителей правоохранительных органов. 26 сентября 1931 г. на барнаульском овчинношубном заводе состоялось собрание рабочих совместно с административной секцией горсовета. В резолюции собрания было намечено привлечь широкую общественность к борьбе с хулиганством, усилить ячейки Осодмила. Подобные собрания прошли и на других предприятиях города, а также по месту жительства трудящихся.

---

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 08-01-0508а).